

Глава 1

— Это тот самый случай, — сказала Александра, рассматривая подарки, — когда нужно сказать спасибо, а спрашиваются совсем другие слова. Ты исчез в декабре, а сейчас март месяц! Мы тут все с ума посходили, думали, тебя в Питере разводным мостом защемило! Ты же в Питер уезжал? Ты где был, вообще?!

Ее старый приятель скульптор Стас, сидевший напротив нее за столом, покаянно качал кудлатой головой. Как всегда, он был немного пьян.

— Ангел Саша, — хрипло произнес он, — я виноват, как последняя свинья. Признаю. А мосты в Питере зимой не разводят...

— Знаю, — бросила Александра, закрывая коробку с подарками и отодвигая ее в сторону. — Но специально для тебя один бы развели! Ты же в параллельном мире живешь! Ты ни разу не позвонил ни мне, ни Марье Семеновне! У меня с ней отношения испортились, она считает, что я от нее что-то скрываю!

Стас окончательно сник. Марья Семеновна, «железная старуха», как прозвали ее на Солянке, его бессменная нянька, муза и модель, была неукротимо ревнива, причем не только к женщинам. Она контролировала всю жизнь своего подопечного: разгоняла компании, собиравшиеся в его мастерской, отыскивала его в других ма-

стерских, хоть в Москве, хоть в области. У нее был невероятный нюх на его местонахождение. Стас нигде не мог чувствовать себя в безопасности. Этот «фавн», как прозвала его Александра, здоровенный мужчина с шрамом поперек лба — память об одном ревнивом муже, — гнул арматуру для скульптур руками. Но согнуть железную волю Марьи Семеновны он даже не пытался. Его тактикой было смирение, которое, впрочем, не обманывало «железную старуху». Это был на редкость удачный житейский симбиоз. Стасу благодаря Марье Семеновне никак не удавалось окончательно спиться, и он вполне успешно работал. Марья Семеновна, натура сильная, пылкая и фанатичная, обретала смысл жизни в борьбе с пороками Стаса, борьбе бессмысленной и увлекательной. Ей случалось даже избивать своего подопечного, ослабевшего после попойки. «Где-то среди предков у нее затесался Торквемада, попомните мое слово, — заявил как-то Стас, примачивая мокрым полотенцем шишку на темени. — Однажды она меня сожжет!»

И вот впервые за много лет Стас на три месяца выпал из поля зрения грозной старухи. Он не появлялся в мастерской, которую снял в Пушкино, у родни Марьи Семеновны. Они перебрались туда с Солянки, когда дом от Союза художников, где располагались мастерские, пошел на реконструкцию. Тогда же оттуда съехала и Александра, правда, ей удалось устроиться неподалеку, всего за пару переулков. Мастерскую сдавала вдова забытого всеми художника. У Стаса имелось дьявольское свойство очаровывать вдов. Он сам объяснял это тем, что в основном изготавливает надгробные бюсты их почивших мужей. «Ну я не мог не утешить вдову, — каялся он, совершив очередной подвиг. — Женщина переживает...» Стас делал это совершенно бескорыстно, «по доброте душевной», как выражался он сам. Юлия Петровна Снегирева, квартирная хозяйка Александры, также пала его жертвой.

Прохожий

— А с Юлией ты как будешь объясняться? — Александра ткнула пальцем в стену, за которой располагалась квартира хозяйки. — Когда я ей квартплату заношу, она смотрит на меня такими глазами, с такой надеждой... Три месяца ни слова! Она тебе вещи дорогие покупала, ты не отказывался, Новый год вместе справили, женщина надеялась на что-то... И все, тебя нет, номер не отвечает! Они же обе думают, что мы поддерживаем связь, только я молчу.

— Скотина я! — самокритично заявил Стас и, нагнувшись, достал из дорожной сумки бутылку водки. — Саша, мне это необходимо сейчас. Я в поезде плакал, веришь, плакал! Натуральными слезами. Дашь стакан?

Александра шумно отодвинулась от стола вместе со стулом и отправилась на кухню. Включила чайник, нашла в старинном буфете граненый стакан. В пожилом пожелтевшем холодильнике, пугавшем ее по ночам внезапными предсмертными хрипами, нашла пара яблок. Александра нарезала их дольками на тарелке и вместе со стаканом отнесла Стасу. Сердиться долго она на него не могла. Их сплотило когда-то соседство в разрушающемся особняке с мастерскими, и теперь, когда они жили далеко друг от друга, она часто ловила себя на том, что ей не хватает беспутного скульптора и его грозной няньки. Марья Семеновна, ненавидевшая всех женщин в принципе, уважала Александру. «Ты с мужиками не путаешься, — объясняла ей причину своей симпатии «железная старуха». — И правильно делаешь, курица не птица, мужчина не человек! За ними все время ходить нужно, как за младенцами, а где тебе...»

— Убить меня мало! — с пафосом продолжал Стас, заведя в дверях Александру. Вскочив, он галантно принял у нее стакан и тарелку с яблочными дольками. Его огромные руки заметно дрожали.

— Насчет «убить» — это не ко мне, это тебе обеспечит Марья Семеновна. — Александра сдвинула на край рабо-

чего стола банки с растворителем и лаком. — И мало не покажется. Да, и не рассчитывай, что я позволю тебе тут пожить. Это их окончательно убедит, что я тебя покрывала. Чтобы сразу же звонил Марье Семеновне и ехал к ней! Выпей, закуси — и вперед.

Стас замер со стаканом, поднесенным к губам, потом закрыл глаза и залпом выпил. Мучительно морщась, вслепую отыскал дольку яблока и захрустел. Александра смотрела на него с жалостью.

— Она тебя побьет, — вздохнула художница, когда Стас налил себе еще. — А Юлия будет плакать, наверное. Так почему ты не звонил?

— Не звонилось. — Захмелев, Стас несколько успокоился. Склонность к самобичеванию появлялась у него лишь тогда, когда градус опьянения снижался. — Я даже думал насовсем в Питере остаться. И мастерскую хорошую нашел, ну, это под Питером уже. И не думай, что я там все время пил и валялся. Я работал, а то бы на какие шиши я...

— Пил и валялся, — закончила за него Александра. — Все это чудесно, но зачем ты выключил телефон?

— Я не выключил, а уронил и разбил. А потом сменил и аппарат, и номер. Хотел начать новую жизнь, — последовал ответ. После чего Стас незамедлительно выпил и закусил.

Александра покачала головой:

— Ничего нового я пока не слышала. И мне кажется, тебе хватит, а то уснешь. Я хочу, чтобы ты до Пушкино доехал. Там падай в ноги Марье Семеновне, кайся и спи сколько влезет.

Она встала и взяла ополовиненную бутылку:

— Я это сейчас вылью.

Стас, дожевывая яблоко, вскочил:

— Не бери греха на душу! Поставь в холодильник, клянись, не притронусь!

Прохожий

— Твои клятвы ничего не стоят, ты... — начала обличающую речь Александра. И осеклась.

В дверь позвонили.

Стас тоже замер, вопросительно глядя на художницу. Когда звонок настойчиво повторился, он прошептал:

— Это может быть Марья?

Александра покачала головой:

— Наверяд ли. Сиди тут, во всяком случае.

Она вошла на кухню, где и располагалась входная дверь, когда раздался третий звонок. Глазка в старинной дубовой двери не было. Александра повернула в тугом замке массивный ключ и отперла. Никаких страхов художница не испытывала, долгая жизнь в полуразрушенной мансарде на Солянке закалила ее и физически, и морально. Она была готова ко всему.

На площадке стояли мужчина и женщина, которых она никогда прежде не видела. «Если бы видела, то запомнила бы», — мелькнуло в голове у Александры.

Мужчина, маленького роста, щуплый, совершенно лысый и как будто печальный, походил на дождевого червя, слишком долго пролежавшего на дне банки и не пошедшего в дело из-за своей тщедушности. А его спутница, высокая, пышная, эффектная дама с иссиня-черными волосами, подстриженными в каре, с накладными ресницами неестественной длины и пронзительным взглядом — она, казалось, только что сошла с цирковой арены. Для полноты впечатления не хватало плетки и тигров.

Дама распахнула красное пальто, продемонстрировав леопардовую подкладку и глубоко декольтированную грудь, на которой покоилось массивное кольцо со сверкающими зелеными камнями, и осведомилась:

— Вы Александра Корзухина?

— Да, это я. — Александра с интересом разглядывала необычную пару.

— Мы к вам по рекомендации. — Дама слегка подтолкнула в спину своего спутника, и тот тихим, словно свалянным из ваты голосом подтвердил:

— Нам вас рекомендовали.

— Может, позвольте нам все-таки войти? — осведомилась дама, видя, что Александра не торопится их пригласить.

Художница отступила в глубь кухни, сделав приглашительный жест свободной рукой. В другой руке она по-прежнему держала ополовиненную бутылку водки, на которую посетители бросали косые взгляды. Смутившись, Александра поставила водку в холодильник и повернулась к гостям:

— Чем могу быть полезна? И, кстати, кто меня рекомендовал?

— Игорь Горбылев, — ватным голосом ответил лысоватый человечек. Казалось, говорил воротник его серого полупальто, губы визитера почти не шевелились.

— Аукционист, — красивым грудным контральто подтвердила его спутница, брезгливо оглядывая облупленные стены кухни, выкрашенные синей краской, какой красят подъезды.

— Ах, вот кто! — с удовлетворением кивнула Александра. С Игорем Горбылевым, одним из лучших аукционистов Москвы, она дружила давно. — Слушаю вас. Присаживайтесь. В мастерскую не приглашаю, там не убрано.

Дама с опаской оглядела предлагаемый ей венский стул и, смирившись, присела. Ее спутник остался стоять. Теперь они оказались одного роста.

— Мы его друзья, — продолжала дама, без всякого стеснения осматривая как обстановку, так и саму художницу. Она не скрывала своего пренебрежительного удивления. — Игорь посоветовал обратиться именно к вам.

— Очень хорошо, и какого рода ваше дело? — Александра опустилась на другой стул. — Реставрация, продажа?

Прохожий

Посетители переглянулись, словно ища друг у друга совета. Дама осторожно заявила:

— Нет, ни то и ни другое, а скорее, установление подлинности. Мы готовим к аукциону небольшую коллекцию, так вот, требуется экспертное мнение.

— Вообще-то я за такие дела не берусь, — покачала головой Александра. — Если вы будете продавать через аукционный дом, через ту же «Империю», где служит Игорь, они сами сделают вам экспертное заключение. Поймите, мне же потом отвечать перед покупателями, если выяснится, что предмет датирован неправильно или это подделка. И в суд подадут уже не на аукционный дом, а на меня! Чувствуете разницу? Нет и нет. С «Империей» работает авторитетная экспертная группа, они сами издадут каталоги.

Парочка снова переглянулась. На этот раз заговорил мужчина:

— Нам нужно ваше мнение не для аукциона, а для нас самих. Чтобы мы понимали, от чего избавиться, а что оставить себе.

— А, это другое дело, — кивнула Александра. — Станковая живопись?

— Нет, старинное стекло и эпоксидные смолы, — ошеломил ее червячок в полупальто.

Александра с минуту молчала. Молчали и ее гости, так что в кухне стал отчетливо слышен густой храп, доносившийся из комнаты. Стас, упившись своими невзгодами, уснул.

— Не знаю, что и сказать, — вымолвила наконец художница. — Я никогда не имела дела со старинным стеклом и с эпоксидными смолами. Только один раз — с *оттоманским бакелитом**, и этого мне хватило надолго. Но... У меня есть хорошая знакомая, она эксперт по старым

* Анна Малышева. «Клетка для сверчка».

пластикам, с химическим образованием. Редкий и очень авторитетный специалист. Я могу связаться с ней, спросить, не согласится ли она вам помочь.

Александра имела в виду Марину Алешину, обладательницу обширной коллекции пластиков, давно снятых с производства. Их первая встреча, как раз на аукционе «Империи», обернулась конфликтом, но вскоре они стали близкими подругами.

— Правда, я не уверена, что она занимается старинным стеклом, — добавила Александра.

Парочка переглянулась. Дама внезапно протянула Александре руку с пугающе длинными, алыми накладными ногтями:

— Мы ведь не представились. Клавдия. Я должна кое-что вам объяснить.

Художница недоуменно пожала сильную широкую ладонь, обратив при этом внимание, что каждый накладной ноготь украшен серебряным значком. Все значки были разные и напоминали элементы наскальной живописи. Клавдия уловила направление ее взгляда и немедленно пояснила:

— Это руны. Они меня защищают.

— Понятно, — пробормотала Александра, поворачиваясь к ее спутнику.

— Леонид, — ей в ладонь скользнуло нечто вялое, влажноватое и словно бескостное — рука человечка с ватным голосом. — Да, вы не все понимаете. Это не просто старинное стекло и смолы. Это нечто большее. Это...

В этот миг густой храп, доносящийся из комнаты, оборвался и раздался протяжный мучительный стон. Вероятно, Стасу приснилось, что его настигла Марья Семеновна. Александра улыбнулась:

— Это мой старый знакомый, устал с дороги. Не обращайтесь внимания.

Прохожий

Художница понимала, как двусмысленно звучит такое объяснение, какое впечатление должна производить эта ободранная кухня, обставленная разномастной мебелью, и она сама — в растянутом свитере и спортивных штанах, испачканных масляной краской всех цветов. «И бутылка водки», — напомнила себе Александра. Но все это ее не слишком волновало. Эти потенциальные клиенты скорее отталкивали ее, чем привлекали, и она была бы не прочь, если бы они ушли, разочаровавшись.

Но яркая пара не собиралась ее покидать. Клавдия достала сигарету и, не спросив разрешения, закурила. Александра чуть отодвинулась от стола. Сама она бросила курить давно и теперь с трудом переносила табачный дым.

— Дело в том, что вся наша коллекция — совершенно особенного рода, — проговорила Клавдия, изучая желтые разводы на потолке. Крыша старинного особняка во время таяния снега и сильных дождей давала протечки. — Это — магические шары и *оргонайты*. Все — уникального происхождения, не с рынка и не из интернет-магазина. Европа, Америка... Берилл, кварц, старое стекло. Есть совершенно исключительный шар, немецкий, из баварского рубинового стекла. Шары всегда прозрачные, бесцветные, но этот словно наполнен кровью.

— Он не продается, — встревоженно вставил Леонид. — Да, мы главного вам не сказали! Дело в том, что я — медиум, а Клавдия — моя ассистентка.

— Ах, вот как, — только и сумела вымолвить Александра.

— Еще я практикую *литотерапию*, — с достоинством добавила Клавдия. — И создаю индивидуальные *оргонайты*.

— Я, извините, впервые слышу эти слова. — Художница старалась сохранять любезный вид и тон, про себя на все лады поминая Игоря Горбылева, поднесшего ей такой подарок.

Клавдия снисходительно улыбнулась:

— Скажем так, я изготавливаю приборы, помогающие нормализовать правильную биологическую пульсацию органов и всего тела. Биологическая пульсация — основное свойство всего живого, от амебы до человека. Вы, думаю, никогда не слышали об оргонной камере Вильгельма Райха?

— Не доводилось, — ответила Александра.

— Я вам покажу, у нас она есть, — обнадежила ее Клавдия.

— Мы сделали ее на заказ, — прошептал Леонид. — По образцу 1941 года, который применялся в Нью-Йорке, а потом фигурировал в судебном процессе против Райха. Его обвинили в том, что по его милости некоторые раковые больные переставали лечиться, потому что исцелялись в камере. Это был заговор американской страховой медицины против гениального ученого-одиночки.

— Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — перебила его Клавдия. — Мы приглашаем вас в свою лабораторию.

— Так мы ее называем, — почти беззвучно добавил Леонид. — Мы ведем сложную исследовательскую работу.

Александра, теряя остатки терпения, улыбнулась и встала:

— Я обязательно к вам загляну, как только выполню срочные заказы по реставрации. Оставьте телефон, пожалуйста.

Визитеры переглянулись. Клавдия тоже поднялась. Ее внушительный рост и властный вид должны были производить большое впечатление на сеансах медиума, предположила Александра. «Как-то неудобно говорить, что медиум ошибается, когда рядом с ним стоит такая телохранительница!» — подумалось ей.

— Вообще-то, мы рассчитывали, что вы поедете с нами прямо сейчас, — почти угрожающим тоном произнесла Клавдия.